

Забрать их, учить читать, давать работу, кормить, обеспечивать жильём и платить месячное жалованье, но не требовать договора о рабстве?

Что это за чудесный господин?

Маленькие нищие не совсем понимали происходящего, но они видели, как богатые люди в уездном городе обращались со слугами — избивали и оскорбляли их, называя своими собаками, которых можно мучить как угодно. Они даже видели, как молодой господин из богатой семьи забил слугу до смерти плетью.

Эти воспоминания заставили их понять: работать в доме знатного человека — тяжкий труд, и при неудаче можно запросто погибнуть.

Они уже были готовы к тому, что Чжао Чэнь будет использовать их как рабов. Ради еды и тёплой постели они согласны на любые лишения!

Но они не ожидали, что их отчаянное решение приведёт к таким благоприятным условиям!

Не рабы? Значит ли это, что их не будут избивать и унижать, как слуг в уездном городе?

Чжао Чэнь не стал вдаваться в объяснения. Некоторые представления нельзя изменить словами — только временем.

Он рассказал им правила и начал стричь их.

Их волосы были настолько спутаны, что расчесать их оказалось невозможно, а головы кишели вшами — проще было всё сбрить.

Дети не возражали. Их головы давно зудели, и после стрижки, хоть они и выглядели странно, стало намного легче.

К тому же они все были одинаковы — не приходилось бояться выделиться.

После стрижки вода на кухне закипела.

Чжао Чэнь велел Гао Цзя принести лекарство Сунь Цзиню, а сам подготовил тёплую воду для детей, чтобы они могли помыться.

Времени сегодня было мало, и Чжао Чэнь не успел купить им новую одежду, поэтому попросил Чэнь Фу и Ли У дать им старую вещи. Тугоу, хоть и был на два года старше Ли У, оказался ниже ростом — одежда Ли У ему подошла.

Сунь Цзинь и его слуга не нашли подходящей одежды, поэтому остались в своих.

Хоть это и была поношенная одежда, дети никогда не мечтали о чём-то столь чистом. Им казалось, будто они во сне.

Чжао Чэнь, увидев их покорность, удовлетворённо кивнул, разложил циновки и одеяла и распорядился:

— Ложитесь спать. Завтра утром позавтракаем, а потом начнём учиться.

В доме Ли У было только две кровати. Кроме Чэнь Фу и Ли У — хозяев дома — и Сунь Цзиня, больного, остальные спали на полу.

Но для детей, прежде ночевавших на улице голодными и замёрзшими, тёплая постель казалась невероятной роскошью. Какие могли быть претензии?

Уже стемнело. Чжао Чэнь попрощался со всеми, притворившись, что возвращается в свою хижину с соломенной крышей. На самом же деле он вскоре вернулся и вошёл в пространство позади дома Ли.

С таким количеством незнакомцев он не мог оставить Чэнь Фу и Ли У одних.

Чэнь Цзю уже закончил дела снаружи и находился в пространстве. Он знал, что Чжао Чэнь разговаривает с новыми детьми, но, увлечшись рисованием подарка для него, не обращал внимания на внешний мир.

Лишь когда Чжао Чэнь вошёл, он инстинктивно попытался прикрыть бумагу — не дать тому увидеть рисунок.

Однако краска ещё не высохла, и если бы он накрыл лист, работа пропала бы даром.

Пришлось позволить Чжао Чэню увидеть.

— Это просто набросок, ничего особенного, — поспешно проговорил Чэнь Цзю.

— Это прекрасно, — произнёс Чжао Чэнь, разглядывая рисунок. В его глазах и голосе читалась неподдельная радость.

Ещё когда он обнаружил, что Чэнь Цзю может рисовать на ткани реалистичные цветочные узоры, то понял: мальчик умеет рисовать, хоть сам того не осознаёт.

Теперь, купив краски и попросив Чэнь Цзю нарисовать что-то для него, он снова получил приятный сюрприз.

Чжао Чэнь ожидал увидеть цветы — ведь из десяти вышитых изделий мальчика девять были с цветами, а одно — с утками, играющими в воде.

Но на бумаге красовались хижина с соломенной крышей, свечи с драконами и фениксами, алые занавески и стены, украшенные красными вырезанными иероглифами «двойное счастье». Внутри комнаты — пара в свадебных нарядах, держащаяся за руки. Один улыбался, другой застенчиво опустил голову.

Хотя были видны лишь профили, Чжао Чэнь сразу узнал их двоих.

Глядя на рисунок и представляя эту сцену, Чжао Чэнь почувствовал, как тело наливается жаром, и ему захотелось тут же принять своего возлюбленного.

— Правда? — спросил Чэнь Цзю, не заметивший его состояния.

Он всё ещё стоял, прислонившись к столу, и разглядывал свой рисунок.

— Конечно, правда, — Чжао Чэнь слегка кашлянул, стараясь скрыть волнение, и улыбнулся:

— Я же говорил, что у тебя талант.

— Я и сам не знал, — смущённо признался Чэнь Цзю.

Он действительно не догадывался об этом.

— Искусство едино, — терпеливо объяснил Чжао Чэнь, пытаясь отвлечься. — Ты можешь рисовать узоры на ткани — значит, и на бумаге у тебя получится.

Чэнь Цзю моргнул. Он об этом не задумывался.

Рисовать узоры на ткани он научился в прошлой жизни. Тогда он никогда не брал в руки кисть — как же мог представить, что способен рисовать на бумаге?

Чжао Чэнь и впрямь удивительный — он разглядел это.

Чжао Чэнь, поймав его восхищённый взгляд, снова ощутил прилив жара.

Он вздохнул, удивляясь:

«Сегодня я не ел ничего особенного... Почему же один его взгляд превращает меня в зверя? Или я слишком долго сдерживался?»

Зная о страхе Чэнь Цзю перед близостью и понимая, что они ещё не обручены, Чжао Чэнь не хотел пугать его. Поэтому он перешёл к делу.

— Чэнь Цзю, ты слышал мой разговор с госпожой Сунь?

— Слышал, а что? — удивился Чэнь Цзю.

— Я сказал ей, что у меня есть друг, способный создавать украшения. Она, вероятно, захочет сотрудничать. Когда она придёт, ты нарисуешь для неё эскизы, хорошо?

— Я? — Чэнь Цзю широко раскрыл глаза, затем резко замотал головой:

— Чжао Чэнь, я не смогу!

Он ещё не освоился с рисованием на бумаге — как же сможет разрабатывать украшения? Да и о ювелирных изделиях он ничего не знал.

— Не будь скромником, — ласково пожурил его Чжао Чэнь, лёгким движением коснувшись его головы. — Я не прошу тебя создавать — просто скопируй... то есть перерисуй дизайны с образцов.

— За каждый эскиз украшения я смогу выторговать двадцать процентов прибыли. Например, если ты нарисуешь нефритовую шпильку себестоимостью в два ляна, а продадут её за пять, то из трёх лянов прибыли ты получишь шестьсот вэней. Если ювелирный дом семьи Сунь продаст десять шпилек — у тебя будет шесть лянов, сто шпилек — шестьдесят... Если же продашь дизайн напрямую — получишь более ста лянов.

— Чэнь Цзю, — Чжао Чэнь провёл подушечкой пальца по ладони возлюбленного, — для повышения уровня пространства до третьего нужно три тысячи лянов и триста очков. В реальной жизни тоже много расходов. наших текущих сбережений недостаточно — нам нужно работать вместе. Ты согласен?

Чэнь Цзю, услышав расчёт прибыли, загорелся. Нарисовать один дизайн и получить столько денег? Только глупец отказался бы!

А когда речь зашла о повышении уровня пространства, его энтузиазм удвоился.

Он уже переживал, что зарабатывает слишком мало и не может помочь Чжао Чэню. Теперь появился шанс исправить это — он с радостью соглашался.

Чжао Чэнь, увидев его кивок, улыбнулся и поцеловал в щёку:

— Чэнь Цзю, впредь тебе придётся трудиться.

— Нет, это ты трудишься, — покачал головой Чэнь Цзю.

Ему нужно было лишь вышивать и перерисовывать дизайны, тогда как Чжао Чэнь делал в десятки раз больше.

Если бы ему пришлось справляться со всем этим — он бы точно запутался, а Чжао Чэнь всё делал чётко и организованно.

— Всё в порядке. Обняв тебя, я сразу перестаю чувствовать усталость, — улыбнулся Чжао Чэнь, подняв его и подведя к кровати. Он присел, чтобы снять с него обувь.

— Нет, не надо, — покраснев, остановил его Чэнь Цзю.

Он не был господином, да и руки-ноги работали исправно. Зачем такие нежности?

Это было слишком смутительно.

<http://bllate.org/book/16384/1483298>